

АМЕРИКА В РОССИИ

I. Вместо предисловия. – Орловско-Витебская железная дорога. – Неукротимый предводитель. – Директора-акварелисты. – Кынарка. – Тихая баба и природы. – Народная нищета. – Вырождающаяся раса. – Петух заместо сына. – Мальцовская платформа. – Господский дом.

В трех уездах: Брянском, Жиздринском и Рославльском, принадлежащих трем губерниям: Орловской, Калужской и Смоленской, раскинулось в одной общей меже громадное и в высшей степени оригинальное фабрично-заводское царство, созданное усилиями одного человека там, где убогая земля и отдаленность от промышленных центров, казалось, ничего не могли дать заскудевшему крестьянину. Царство это является оазисом среди окружающего бездорожья и бескормицы. Тут работают более ста заводов и фабрик; на десятках образцовых ферм обрабатываются земли; по небольшим речонкам бегают пароходы; своя узкоколейная железная дорога соединяет между собой окраины этого малоизвестного уголка России; свои телеграфные линии покрывают его частой сетью; в своих школах учатся тысячи детей; свои леса оказываются нетронутыми, тогда как в соседних имениях от старых лесных пустынь не осталось и рощиц; тут люди пробуравили землю и, как черви в орехах, копошатся в ней, вынося на свет Божий ее скрытые богатства; отсюда добрая часть нашего отечества снабжается стеклом, фаянсом, железом, сталью, паровозами, вагонами, рельсами, паркетам, всевозможными машинами, земледельческими орудиями; развиваются новые производства и, несмотря на наше экономическое оскудение, на отсутствие заказов, поддерживаются старья. Начиная от хозяина, одевающегося крестьянином и ведущего почти крестьянскую жизнь, и кончая последним рабочим, жарящимся у домны, здесь ничто не нарушает подавляющего однообразия сермяжного царства.

Здесь нет роскоши и излишеств, - нет и нищеты, нет и голодовок. Мне этот край представляется примером того, как плодотворны могут быть даже и у нас неутомимая энергия, знание и ум, если они не растрачиваются вместе с наследием предков в столице, а уносятся на дно, в глубь России, где в течение нескольких десятков лет, не смущаясь от неудачи и переживая всевозможные невзгоды, делают свое кровное, честное дело. Меня давно интересовал этот своеобразный и оригинальный уголок, тем более, что о нем носят в Петербурге и Москве самые противоречивые слухи. По одним, это – царство небесное, по другим – рабочий ад. Люди, благородно проживающие свои доходы на интернациональных публичных женщин, на разгул столичного хамства, проигрывающие в карты кровь и пот народа, чуть не с ужасом говорят о Мальцовском крае и о самом Мальцове: «Помилуйте, это – маньяк; его место здесь, а он, как простой мужик, забился в деревню и живет там с крестьянами; это – самодур какой-то, социалист!»

И еще каких только эпитетов не прибирают эти господа. Зачем он сам работает, кому нужен его личный труд? Он мог бы тратить миллионы, играть роль при дворе, а довольствуется тем, что дает ему сельская жизнь. Он трудится так, как человек, которому есть нечего... Чистокровных холуев, прельщаемых более всего блеском ливрей, смущает главным образом, как это человек бросил карьеру, удовольствия столичной жизни и ушел в народ.

Другой лагерь – и песни другие: «Помилуйте, это край, где все ушло в физический труд! Владелец и все его крестьяне работают как каторжники. Там – однообразие жизни,

скудность потребностей, убожество!...» Короче, упреки, которые имели бы значение где-нибудь в благословенной Богом Италии, где стоит копнуть землю ножом, чтобы быть сытым. По старой памяти, все эти господа считают еще Россию невесть какой богатой страной, точно над нею раскинулись не цвета серого солдатского сукна, а вечно голубое небо юга – точно у нас каждый год урожаи и достаточно малого труда, чтобы все потребности были удовлетворены... Противоречивые слухи, преувеличенные рассказы заставили меня самого заглянуть сюда и провести несколько месяцев. Долгое время я не принимался за работу, потому что все пережитое здесь было слишком ново для меня: я не мог разобраться в массе впечатлений, не мог освоиться с ними. Да и задача сама по себе представляется крайне трудной. Тут нужны не одни схваченные на лету факты, не одни наброски наблюдательного туриста, но и выводы, и указания. Если то и другое будет у меня не в должной полноте, - виноват я, а не объект наблюдения. Милости просим этнографов, экономистов и организаторов, - пусть они сами на месте проверят мои данные и пополнят их. Только у нас, при нашем невнимании ко всему своему, этот уголок мог так долго оставаться в полной неизвестности. В самом деле, исключая несколько жидких газетных корреспонденций, двух редких статей в *Земледельческой Газете*, да трех-четырёх казенных заметок в *Губернских Ведомостях*, об этом крае ничего нигде не появлялось. Во всякой иной стране целые тома, целые исследования были бы посвящены этому краю труда и предприимчивости. У нас ему наскоро, точно на бегу, удивляются, но остановиться на нем, всмотреться в него попристальнее никому и в голову не приходит. Пополняя этот пробел, я оставляю за собой только заслугу первой попытки. Моя цель будет достигнута, если эти очерки вызовут интерес к одному из оригинальнейших уголков России, если они призовут к изучению его более талантливых и более сведущих людей.

Время для посещения этого края я выбрал самое тяжелое для местного населения. Неурожаи, истощавшие его, довели цену хлеба до 1 руб. 75 коп. за пуд. Общий экономический кризис отразился и на заводах: заказы прекратились, изделия, уже готовые, не находили себе сбыта. На заводах лежала тяжкая обязанность или распустить рабочих, как это было сделано в других местах, и таким образом, при отсутствии хлебопашества или иных заработков, обречь их на голодную смерть, или же продолжать производство без всякого на него спроса. К этому присоединились еще и другие неблагоприятные условия. Ввоз иностранных машин через австро-прусскую границу и заграничного стекла через порты Черного моря делал невозможную конкуренцию с ними. В общем положение дошло до того, что Подбужеская волость Жиздринского уезда, не принадлежащая Мальцовскому округу, стала исключительно питаться мякиной. Другие соседние волости находились не в лучшем положении, и толпы рабочих являлись на заводы в то самое время, когда и своим с величайшим трудом и усилиями отыскивалась какая бы то ни была работа. Крестьянский скот падал. Он объел всю солому с крыш, гнилье, какое оставалось с прошлого лета, но, наконец, не хватило и этого. Стали его выгонять в поле, чтобы из-под снега добывал себе старую, высохшую траву. Кони едва держались на ногах, - о работе и думать было нечего. Народ тоже «тосковал», по местному выражению. В эту-то тяжелую, трудную годину общего бедствия я приехал в заводской округ, ожидая и здесь наткнуться на те же картины бескормицы и самой безвыходной нужды.

Действительность не оправдала моих ожиданий.

Ни одна труба фабрики не перестала дымиться, ни одна заводская печь не погасла. Как изворачивались заводы, как они кормили и кормились – для меня долго было загадкой. Население не испытывало крайней нужды. Хлеб, заготовленный по дорогой цене, выдавался в достаточном количестве, а между тем положение дела было критическое. Расспрашивать было нечего, - нужно было приглядываться и прислушиваться ко всему совершавшемуся кругом. Борьба тут шла на жизнь и на смерть. Оскудению и нищете не уступалось ни одной пяди. Выморачивалось одно производство, на смену тотчас же придумывалось другое; становился убыточным какой-нибудь

промысел, - задумывались и выполнялись усовершенствования, удешевляя его: проводились новые железные дороги, делавшие более выгодным транспорт кладей, придумывались работы, которые только могли бы дать хлеб людям, без всякого расчёта на какой-либо барыш. Издержки сокращались до минимума.

Таким путем, среди общего голода, здесь население не видело нужды; заработок в данную тяжелую пору уменьшился почти незаметно и потом снова вырос. Бедствие прошло, не коснувшись крестьянства.

Как это случилось, видно будет из последующих глав.

В Орле я пересел в превосходно устроенный вагон Орловско-Витебской железной дороги.

Я не знаю местности более бедной и менее производительной для рельсового пути и в то же время я не встречал железной дороги роскошнее устроенной: зеркальные вагоны, с сиденьями крытыми узорчатым бархатом, с потолками и дверями из цельного палисандра, со всевозможными удобствами, под конец даже несколько надоедающими. По неволе в голове являлись такие соображения: во сколько обошлась земству и государству эта дорога и на израсходованные-то миллионы сколько сотен и тысяч верст можно было бы провести узкоколейных путей с маленькими пассажирскими вагончиками и прекрасными платформами для перевозки торговых и фабричных грузов! Какие бы отдаленные захолустья подобным способом были связаны с главными артериями нашей промышленности! Сколько света и богатства внесли бы такие узкоколейные дешевые дороги в захолустья, где несколько сот лет в ежовых рукавицах нищеты и невежества тщетно бьется многомиллионное, но маломысленное население!.. Такие дороги, как Орловско-Витебская, обогатили только капиталистов, тогда как те, о которых говорю я, спасли бы голодающих... Теперь, когда я пишу эти строки, сближения такого рода выступают еще определенные, потому что в Жиздринском, Брянском и Рославльском уездах я видел, что сделали дешевые дороги, эти рельсовые мужицкие пути, которые гораздо более к лицу нашей бедной стране, которые нам по карману прежде всего. Я с моими спутниками занял одно из отделений вагона, как вдруг к нам вламывается какая-то особа – горластая, нахальная...

- Извольте очистить это отделение!

- Что такое?

- Тут помещусь я с дамами.

- Дамское отделение – там.

- И без вас знаю... Где начальник станции?.. Позвать начальника станции!

Является трепещущая фигура.

- Отчего они заняли это отделение?

- Они первые-с...

- Какие-то прикащики... Это черт знает что!..

Почему мы оказались прикащиками и почему прикащики за ту же плату не имеют права садиться куда им угодно, я решительно понять не мог. Тем не менее, в течение десяти минут мы слушали львиные рычания, раздававшиеся то семо, то овамо. Назойливый господин, давно усадивший дам, не мог успокоиться.

- Скажите ради Бога, кто же это такое?

- Да свежее-испеченыйк-ий уездный предводитель дворянства.

- Чего же ему надо?

- Хочет, чтобы дамское отделение было это, чтобы ему сесть сюда вместе со своими дамами...

- Забаллотируют они меня, ей-богу забаллотируют! –прижался в угол маленький, толстенный человек, точно подмигивающий нам одним глазом. На круглой голове его – обваливающаяся шелковая фуражка, на шее шарф, яркость цветов которого привела бы в изумление самого смиренного и захудалого быка.

- Чего вы беспокоитесь, ваше превосходительство!

- Помилуйте, как же не беспокоиться... Вот теперь он освирепел и на меня в числе других, - ну, на выборах и накатает со своей партией черняков.

- Авось!..

- Да, вам легко говорить... А если меня из губернского предводителя в уездные выгонят, так я и директором от земства на железной дороге не буду... А оно знаете, 5000 р. в год. Легко сказать, а ну-ка достань... Наш брат-дворянин этакой суммы нигде не поднимет... Такое время пришло-с!..

- А куда вы теперь пробираетесь?

- В семейство-с, в Ниццу... Ну и в С.-Карло – Монако.

- Зачем?

- Играть-с... В рулетку... У меня каждый год...

- Вона!

- Да-с... Я это с расчетом-с...

- Какой же в игре расчет может быть?

- Кому как... Помилуйте... Вы что думаете: у меня положено проигрывать не больше трех тысяч франков, - я туда и денег с собой больше не беру, - ну, а выигрывать сколько придется.

- И, разумеется, проигрываете?

- Отчего же-с... Несколько уже лет по 20, а то и по 30000 франков увожу оттуда-с... Главное характер выдержать... Я на 130.000 франков, выигранных в Ницце, себе и виллу купил.

Шелковая фуражка сползла на бекрень. Губернский предводитель самодовольно посмотрел на меня и фыркнул.

- Это значит у вас как правильный промысел?

- Что за правильный, помилуйте!.. По нынешнему дворянскому оскудению лучше и промысла нет... У меня на все-с правила. Вот вы, например, на железной дороге едите?

- Едим.

- А у меня гигиена. Я с воскресенья, как выехал, до пятницы только раз поем и пью три раза.

Мы рты разинули.

- И чудесно. В Динабурге – бутылку сельтерской воды, в Эйдкунене содовой воды и стакан пива, в Берлине чего-нибудь перекушу и вплоть до Парижа так... А в Париже пообедаю... Вот и все-с а потом следующий обед в Ницце.

Человек с правилами меня очень заинтересовал. Разговорился с ним: оказался одним из характернейших типов оскуделого дворянства. Был военным генералом, теперь уж несколько лет предводительствует, поддерживая свое благосостояние счастливой игрой в рулетку. Сверх того по выборам служит директором от земства на Орловско-Витебской железной дороге, старается со всеми ладить и пуще всего на свете боится черных шаров и железнодорожных буфетов с их яствами. Другие директора – тоже люди оригинальные: вся их деятельность уходит на окраску вагонов и станций. Одна из них меня особенно поразила. Разные цвета выступили на ней точно на карте, обозначая различные племена, населяющий Российскую империю.

- Что это у вас?

- А все директора... Живописью акварельной занимаются. Приедет один: «Что это, говорит, за гадость! Выкрасите станцию и вагоны в дикий цвет». – Выкрасили. Приезжает другой... «Экая гадость!.. Красьте в розовое». – Исполнили. Является третий. Не успел взглянуть, уж и кричит: «Чему вы это обрадовались? Что это за сентиментальные колера!» - «Прикажите выкрасить?» - «Разумеется, сейчас же». – «В какой же цвет?» - «Gris-perle!» - Ну, вот вам в конце концов от дождей слиняло все, да на разное и пошло-с. А нам что же-с? – нам все равно...

Гораздо интереснее был третий класс.

Кажется, из Карачева я перебрался туда. Там было набито народу и все это галдело, как Бог на душу положит... Один из пассажиров держит в руках, прикрытую платком, птичью клетку – и весь путь на весу, точно боится обеспокоить ее обительницу.

- Птицу везете? – спрашивает у него сосед.

- Не пса, разумеется!.. Псов в клетках не возят, тех на цепи, - мгновенно обижается тот.

- Так... Чиж значит?

- Сам ты чиж!.. Нашел птицу... Экую певичку, как чиж, рази бы я так бережно?..

Эх, ты...

- Не орла же двуглавого?

- Известно, не орла... Кынарку!.. Какая кынарка: иная кынарка и орла превзойдет...

- И хороша кынарка?

- Скрипка, одно слово? Умнее человека кынарка!.. Как ей только посвисти, она уж и разнежилась... Сейчас – прыг, прыг и поет...

- На продажу?

- Да. Очень уж деньги надобны... Ну, я ее одну и везу. Тут, в Брянске, есть настоящий любители.

- А какая ей цена будет?

- Красненькая бумажка.

- Птица-то малая.

- А ты – дурак большой!

- Чего ругаешься-то?

- Да как тебя не ругать, сволочь?.. Рази птицу по росту судят? Ты бы уж не любопытствовал... А тоже спрашивает, сколько стоит... Рази ее на варево тебе?.. Малая... Дубина ты стоеросовая!

- А вот за эти за самые слова...

- Ну?

- Ответите.

- А ты зачем птицу мою трогаешь? Я может за птицу-то больше чем за себя...

Малая... Музыканты!..

На следующей скамье шла беседа тихая. Один против другого помещались два мастодонта: необычайно толстая бабища и не менее тучный купец. Первая смиренствовала, ожидая очевидно великих и богатых милостей, второй благосклонно внушал ей, как сироте надо жить...

- Ты подражай, и тебе хорошо будет.

- Вы уж, Степан Оедосеич, меня уважьте.

- Уважу... Ты – баба тихая... Я тебя уважу...

- Уж так, значит, дворик-то за тридцать серебра?

- Пушай... за благородство твое.

- Потому чтобы драк этих – у меня нет... У меня девицы смирные, совсем монашки которые.

- Зачем драка? Лаской нашего брата пуще ограбите. Нашего брата добрым-то словом как ушибить можно!.. Вот хоть ты: так я тебя за тишину твою полюбил!..

- Благодарим покорно.

- Баба ты сочная, а гордости в тебе нет.

- Уж и самой сока эти в тягость...

- Мясами одержима... А отчего? – оттого, что ты тихая баба, ласковая... Детей у тебя нет?

- Нет... Не дал Господь... Уж как я то-ись...

- Будут... Это будь спокойна... Коли захочешь, чтоб были, будут по желанию твоему.

- И с детьми тоже ноне.

- Беспокойно?
- У иных прочих хуже этих... бузуков. Такие ироды!
- Ироды?.. Ироды младенцев больше...
- Верно твое слово! – вмешалась старуха рядом. – И ироды разные, господин купец, бывают... Которые и младенцев, а которые ироды и родителей... Особенно промежду мужчин страсть как нужают наше дамское сословие... У меня теперь Ивашка... это которые ахал-текинцы гораздо его смирный. Я уж и то ему говорю: смотри, Иваш, на слово Скобелева наткнешься, он тебя успокоит!..
Два мужика около вели совсем деловой разговор.
- Ты как барана-то купил?.. Смотрел?
- Известно... Уж я округ-то ходил, ходил...Пятьцелковых!.. Ужли же я стану так бизо глазу?..
- Ты куда яво, барана-то, щупал?
- Известно... Под пузай.
- Ты его с боков прошпыняй... Ежеле в ём какая хворость есть, она тебе сейчас – во... на ладони!.. Право слово! Потому у нас дьячок, он чуть что, сичас в кабаке, и сколь хошь ему ставь, а он все плачет, расплачет: «Ах, сколь я много, грит, терплю!.. Сколь я терпел... Господи!.. Ежели бы, грит, другому кому, давно бы на колокольню и – сверзился...
- Да ты это о чем?
- О дьячке...
- Чего о дьячке?.. Я – о баране... Говорю, под пузай щупал... Дулдышечка экая махонькая есть, но только ничаво...
Оба некоторое время смотрели друг на друга в недоумении...
- Поди-ж ты... И с чего теперича этот дьячок замещался...
- То-то, потому я про барана.
- Точно, а только этот дьячок – горький, такой горький, такой горький... Ах!.. Как выпьет, сичас водка эта у него слезой идет... Много, грит, я грешен, Господу моему может яко изверг предстою, а только душа у меня во как чиста!...
- Места ищите? – обратился ко мне неподалеку один из крестьян-пассажиров.
- Да, куда бы присесть вот.
- А здесь не угодно ли?.. В какие места теперя?..
- Да вот на заводы.
- Так... Которые наши крестьяне там, так с полгоря, - ни с того, ни с сего объявил он.
- Это почему же?
- А потому. Оскудели мы здесь, оченнозаскудели... Сам видел, какая у нас земля неспособная... Паши ее, песок один. Нечего не родит она.
- Видел, точно.
- Ну вот... А в последние годы совсем немочно стало.. Что ни делай, помирать легша. Теперь у нас запашка – пять четвертей, а с пяти-то мы сняли четыре, - себе в убыток. Вот у нас хозяйство какое... Должон я подать отдать, да на земство... и Семью прокормить – мне мало-мало двадцать четвертей надо, а цену-то ноне слышал? Рубь семьдесят пять пуд... Хорошо это?.. Откуда я возьму?.. Вот я и говорю: которые мальцовские, тем чудесно, потому их Мальцов кормит при заводе. Им что? – они беды не знают. Чуть недород, сейчас в контору: «давай работу». – «Нет работы!» - «Нам должна быть, потому мы мальцовские». – Ну, и дают... И хлеб дают, и работу дают, а нам не очень-то... Тут у Тянилеева и Губонина робыли мы и деньги хорошие получали, а только неспособно... Первое – распустили, потому у них дела мало ноне, а второе – жисть там больно веселая... Кабаки эти. Что ни заробишь, все уйдет... Теперь мы домой, а только мекаем, что и дома нам робить нечего... Совсем мы заскудельные! Скот у нас тоже еле на

ногах стоит, отошал... Брюхо у него пухлое, а сам что лесинка гнется. Хворост – и тот кони-то оглодали... Когда еще на них работать станешь!..

И везде та же песня: нежен хлеб и хлеб. Многого не хотят, лишь бы не помереть только с голода, а голод подступает настоящий. Прежде к мироедам в кабалу шли, теперь и мироеды не дают ничего, - и без того крестьяне у них в неоплатных долгах состоят. Теперь даже и урожай летний не особенно поправит положение дела, потому что ничего не сделано для установления сколько-нибудь сносных цен на зерно. Крестьяне даже боятся слишком большого урожая, - там, где его ждут, - потому что при нем цены упадут до минимума и весь барыш уйдет в руки жидов и скупщиков, на которых столько уже времени, таким образом, без устали работает крестьянство. Колебания цен таковы, что мужик и теперь потерял голову совсем.

- Что же это будет? – сокрушался один под Карачевом. – Как же это?.. Где же Бог-то?

- А что?

- Да как же, помилуй... Летось сами мы продавали хлеб по 40 коп. за пуд, а теперича приходится платить за тот же хлеб по 1 руб. 75 коп. Как же это?..

- А зачем продавали?

- Как не продашь, коли зимой голод был, заимовались, - ну, летом и отдавать пришлось.

- Были даже местности, отдававшие свой хлеб по 25 коп. за пуд. Следовательно зимой он же за каждый пуд хлеба, купленный ими по 1 р. 75 коп., отдали семь пудов своего. Такой невозможный процент хоть кого сведет с ума и озлобит. В будущем поселяне ничего хорошего не видят, - земли мало, да и та истощена до последней возможности. Упрекать их за это едва ли основательно. Не виноват безграмотный мужик, обесплодивший свою землю там, где так хищнически распоряжался землей интеллигентный и богатый барин, имевший возможность всему научиться и ничему не научившийся. Почему первого мы делаем ответственным за то, за что второго только сожалеем?.. Результатом экономической безурядицы, в которую поставлен русский мужик, явилась полная со стороны его неуверенность в своем положении; отсюда и полное нежелание прочно устроиться. Он сложил руки и повторяет одно: - Как Бог!.. А мы уж очень заскудели...

Пожалуй, можно негодовать на отсутствие энергии и предприимчивости, да ведь не на мякине же воспитаешь и то и другое. Какая тут изобретательность явится, коли за каждый пуд хлеба нужно отдать по семи пудов, коли подати из тебя выбивают, не зная как получить их иначе!.. А тут еще те, которые кормились на заводах, тысячами возвращаются в село, обременяя мир. И этих надо прокормить, потому что и они не виноваты, - безработица. Заводы также вне упрёка: что же им делать? Ведь, покровительствуя иностранным производителям, мы убиваем своих. Таможенная система такова, что внутренняя промышленность не может бороться с заграничной. Заказов нет ни откуда, следовательно – разорение и роспуск рабочих. Знаете ли, например, что машину английского изделия провезти от Гуля до Харькова дешевле, чем русскую туда же хотя бы из Орловской губернии? Да еще первую перевезут без перегрузки, а следовательно и без поломки, а вторую чуть не на каждых ста верстах переволакивай, и, разумеется, при небрежности нашей железнодорожной администрации и при невежестве ее это обходится не без поломки. Отсюда – отсутствие предприимчивости: не для будущего же поколения работать, когда нет спроса в живущем. Следовательно, обращайтесь как знаете и как можете... А как можете, ясно из следующего расчета. Возьмем среднюю семью: отец, мать, подросток-сын, девочка еще не работающая, при них бабка или дед, итого – пять душ. Отец зарабатывает в месяц 10 рублей, мать 4 руб. 80 к., подросток 3 р., итого дохода средней семьи в месяц 17 р. 80 к., или 213 рублей 60 коп. в год. Податей, повинностей, земских и иных сборов они заплатят в год около 80 р. Считая по 3 фунта хлеба в день на каждого, им понадобится по меньшей мере 15 ф. в день, или 135 пудов в год. В продаже в

последнее время он не падает ниже 1 рубля. Значит, подати и хлеб требуют уже 215 рублей в год, т.е. более заработка. А остальные потребности?.. Ведь нельзя же на одном хлебе сидеть. Ведь нужен и овес для скота, и тес для кровли, и платье для себя. Говорят пьют. Позвольте, да кто же не запьет от такой сладкой жизни?..

- У нас так у кого устатошное было от прежнего, все поели. Которые богатые семьи были, тоже, как и мы, нуждаются.

И всем самостоятельным когда-то семьям пришлось или перейти в разряд кулаков и эксплуатировать ближних, или же обнищать. Зачастую по деревням встречаешь громадные избы в два этажа, за то, как ребра палой лошади, оголившиеся бревна сиротливо торчат, потому что тес с них давно снят; заборы развалились, сараи откровенно выказывают свою пустоту; печи сиротеют, стоят холодные, а если в них и варится что, так пустая похлебка или мучная подболтка окажется. И тут еще рядом упреки: нравственность в народе упала, народ перестал верить... Да помилуйте, какие же каменные хребты надобны, чтобы остаться людьми при таких вовсе не человеческих условиях! Ведь нужда вот до чего дошла: есть села, где на десять дворов – одна коровенка, да и та, как во сне фараоновом, худа и тоща. Вон деревня Хохловка: тут на одиннадцать дворов – один конь, да и того постоянно у земли отнимают, потому что нужно справлять им разные натуральные повинности... Куда же деваться народу, где ему искать спасения? От чиновников ждать нечего: этим лишь бы во время получать жалование, да отписаться казенным способом; чиновник к тому же народа не видит и не знает. В земство у крестьянства веры нет, потому что хороших людей мало, больше те же кулаки сидят, основавшие на народном бездолье свое благосостояние. Да, наконец, если и опомнится земство, прежде всего поправить дело – деньги нужны, а где они? Их придется взять у того же крестьянина, да ведь у него только и осталась что шкура, если ее не спустил становой при взыскивании податей и недоимок... И на это заскуделое население налетели, в несметном количестве выроившиеся в последние годы, всевозможные кузьки и жучки в образе скупщиков, факторов, комиссионеров, мироедов... Облепили они крестьянство вплотную и едят так, что пожалуй скоро и им есть нечего будет. Дошло до того, что, платя сегодня по 1 р. 75 к. за пуд хлеба, он завтрашний готов продать на корню за 20 коп. за пуд, потому обезумел, очумел, оголодал. Лишь бы не помереть к вечеру, а там будь – что будет... Баба идет на фабрику: по гривеннику ей дай в день, рада. Их школ берут мальчиков.

- Зачем ты его берешь? Учится он отлично. Способный у тебя сын-то... как тебе не жаль.

- Как не жалеем! – Жалеем. А только у вас без харчей. На харчи уж очень изъядимся. Пушай же он по дому поглядит, потому мы тогда евоную сестру на фабрику.

А «евоная» сестра на фабрике заработает семь-восемь копеек в день, или 40-50 коп. в неделю... Луга не дают трав, а почему? – Свиньи изрыли их, перепортили. Чего же не сгоните их? – Нельзя. Где же свиньям питаться?..

- Мы ими живем... Нам без свиньи пропасть надо! – объяснят вам.

Скот доведен до нуля. Удобрения поэтому нет.

- Золу вывозите на поля! – предлагают умные люди.

- Чудной ты! – смеются крестьяне. Коли золу вывезем, чем парням рубахи-то мыть баба станет?..

Как истощенная нива становится добычей всякой мухи непотребной, всякого жучка прожорливого, так и это обедневшее население стало вечным пристанищем тифов, лихорадок, дизентерей, дифтеритов и... еще не знаю чего. Борются с ними медицинскими средствами, посылают целые отряды сестер милосердия, целые отряды врачей – и все ни почем. Оно и понятно: пока существует нищета, до тех пор и болезни будут в нем гнездиться... Лягут новые сотни самоотверженных сестер милосердия в могилы, а все ни на волос не уменьшат народного бедствия. Где же спасенье?..

Уж никак не в канцелярии, уж никак не в чиновнике, сооружающем проекты о распространении по всему лицу земли Русской плодородия и благополучия.

Пока это плодородие распространяется, - посмотрите, во что вырождается тип крестьянства. Орловцы, калужане – да ведь это были когда-то цвет нашего племени! Видели ли вы, как во время поздней весны, в бескормилицу, оголевший, опаршивевший, весь лохматый, обессилевший скот выгоняют на обнаженные черные луга и поля?.. Дома и гнилой соломы не стало. Кони едва-едва ходят, шатаются на ослабевших ногах как пьяные, обопрутся о забор, понурятся да и стоят так по целым часам. Шерсть с них клочьями летит, по телу язвы какие-то, сочится в них сукровица... Совсем валятся!.. Вот то же самое и с народом стало, - разумеется, не с пригородным населением, кое-как околачивающимся у больших центров, а в глуши, где-нибудь в Жиздре или Рославле, - малорослые, золотушные, с какими-то пятнами по лицу и по телу, малокровные, слабые. И бабы, которых еще недавно, как идеалы красоты, описывали наши беллетристы и поэты, - где эта мощь славянской женщины, где эта ее сила, круглые плечи, высокая грудь, лебединая шея, смелый голос и вольная песня? Тут, в средней полосе России, баба... мякинная стала. Большое, как у выкормленного на соломе коня, брюхо, слабые ноги, рябое лицо с безжизненными глазами, чахлая грудь – вот вам и красота... Не вырождаемся ли мы?.. В Москве, да в Питере этого не видно, - сюда милости просим: может быть и поразит тогда вас убогая и серая картина русской действительности... Пора проснуться, если только уже не поздно!..

Разумеется, у нас при всех подобных указаниях есть очень удобное место к самоуспокоению.

Обыкновенно мы останавливаемся на том, что автор-де преувеличивает... Помилуйте, разумеется, не все благополучно; новый в этом году урожай – и дела уладятся, все придет к хорошему концу и народу станет легче... О, Валаамовы ослицы, если бы вы, наконец поняли, что сама действительность наша стала столь преувеличенной, что самое яркое воображение уже не способно положить на нее более резкие контуры, более черные тени!.. Урожай отдалил только на год, на два неизбежный кризис; он дал вам время опомниться и взяться за дело, а не успокоиться на лаврах, которых вы вовсе не заслужили... Писатель, открывающий глаза обществу на его язвы, во всякой иной стране является его другом, у нас – врагом. Впрочем, это еще очень старая история: не обличай безумна, да не возненавидит тя; обличай премудра – и возлюбит тя. Премудрому дашь вину – премудрейшим будет...

Мы, вообще, в премудрости неповинны, - напротив!..

В жизни грустное и смешное как-то переплетаются вместе... Не успел я еще передать тягостные впечатления железнодорожных встреч с голодающим крестьянством, живо напомнившим мне такое же оставленное в только-что покинутых селах и деревнях, как на станции Брянской, наткнулся я на сцену совсем противоположного свойства...

Городской мещанин. У него в пригоршне петух сидит... Мещанин его слегка поглаживает. Петух зажмурился и с удовольствием дремлет, дурак, не осознавая, что в это самое время решается его судьба.

Петух раскормленный, выхолненный, перо к перу.

- Это вот какой петух: запоет – певчих слушать не пойдешь! – живописует мещанин.

- Да мне его есть! – торгуется другой.

- Твое дело – хоть ты его вари, хоть жарь... А только первый певец. Я его за место сына держал – вот что!

- Сына-то ты и продаешь?

- По нынешнему времени и сына продашь, будь спокоен... Отца родного на поводу выведешь на базар, только возьми.

- Времена – точно!..

- А не ежели петуха.

- Так бери полтину и черт с тобой.
- Ты погоди. Ивана Петрова знаешь?
- Знаю.
- Хорош у него голос? Слышал ты его в церкви?
- Ну?
- У моего Петьки еще лучше!
А Петька совсем уже сладостно зажмурился, покачиваясь на ладони.
- Чижолый?
- Руку-то оттянет, будь надежен.
- Поди кости больше.
- И кость есть. Отчего ей не быть? Петух исправный – Накурей – первый охотник...
- Любит?
- Во-как!.. То-ись, такой петушок: сичас увидал, крылья – фррр... парусом, хвост трубой и – почнет, и почнет... Самый праведный петушок. С ним, брат, не проспишь, потому горло у ево от Бога!
- Кабы на охотника...
- На охотника ему цены нет, потому который охотник – себя продаст за такого петуха... У другого перо сухое, жесткое перо, а у мово петуха – ты погляди – муар-антик, атлас, а не перо...
- Петух справедливый, что говорить. Только больше полтины нельзя дать. Ты скинь.
- Не штаны... Скидывать нечего. Это только штаны скидают-то... Не по-божески рассуждай. Совесть-то есть, не совсем обмякла-то?.. Ты Бога вспомни.
- Я, брат, бога всегда помню. Бог завсегда при мне состоит, в целости – будь спокоен... У кого Бога нет, а у меня его сколько хошь... С тобой поделюсь еще!.. А только дорого.
- Да говорю я тебе, какой петух!.. Душа в тебе есть? Может у меня теперь все сердце злые собаки на клочья рвут, потому я должен его продать. Под нож... Сколь это мне сладко, ты пойми! Я его растил, поил, кормил, холил... В неге у меня петух вырос.. И какой утешительный вышел. Ты его послушай, как запоет, сколь у ево гордости много.
Так и не дослушал. Послышался звонок.
Иду к вагону, смотрю – ведут под руки старуху-еврейку. Растерялась совсем, трясется... Язык высунула... Кругом евреи галдят.
- Что это такое?
- Спужались они... Известно, дамский пол. У них заместо сердца овечий хвост, - вся трясется... И в тихую погоду – тоже.
- Чего это?
- А газет начитамшись, как жидов колошматят... Ну, и не в себе. Их теперь родственники в Витебск отправляют.
Усадили старуху... Закрылась платком и над лицом конец его опустила... А все-таки дрожит и бормочет про себя что-то совсем уж несообразное.
Чем дальше от орла на запад, тем почва становится все хуже и хуже. Еще да Карачева встречается чернозем, но дальше, к Брянску, глина и песок заполняют все доступное глазу. Знаменитые когда-то брянские леса вырублены сплошь и, по свидетельству местных старожилов, именно с той поры, как топор приобрел право гражданства в девственных когда-то чащах, началось экономическое оскудение края. Обмелели реки, зимы стали суровы и продолжительны, весна и осень начали приходить неровна, урожаи сменились почти постоянными недородами. С земли сняли шубу, оголили ее, - понятно, что она вымерзла и обесплодилось. Еще несколько столетий назад иностранные послы, въезжавшие в Россию через эту местность, называли ее яблочным царством. Целые яблочные леса раскидывались здесь. Теперь, увы, только сосновые да еловые сохранились у Мальцова и в казне, причем в последней все-таки меньше. Первый

ухитрился сохранить их у самых заводов, как это буде рассказано в следующих главах. За Брянском поезд прошел недалеко от железных заводов Тянилеева и Губонина и в трех верстах от города остановился у Мальцовской платформы. С нами вместе ехал один из директоров здешнего товарищества, А.А. Вагнер, когда-то во времена оны, заведовавший институтами, находившимися под начальством Принца Ольденбургского.

- Дежурка! – крикнул Вагнер, выходя на платформу.

- Это еще что такое?

- Сейчас увидите...

К нам подкатился чрезвычайно оригинальный экипаж, изобретенный С.И. Мальцовым. Это род дышлового тарантаса, но с особенным устройством хода. Кузов покоится на двойных дрожинах, помещенных друг на друга на расстоянии около 4 вершков. Продольные дрожины соединяются несколькими поперечными брусками, в свою очередь связанными один с другим короткими столбиками. Подобное сочетание долевых и поперечных брусков образует очень хорошие деревянные рессоры, весьма прочные и покойные. Впоследствии мы видели на заводах большие и малые экипажи того же типа. Рессоры эти крайне дешевы, - их может сделать любой плотник, - причем починка их обходится в грош. Специалист М.Н. Соймонов, испытывавший их не только на шоссе, но и на простых дорогах, грунтовых, свидетельствует, что рессоры эти особенно хороши на дурных проселочных путях, где обыкновенные рессоры часто не выдерживают. Описывая этот экипаж, Соймонов между прочим говорит: «Мы сперва удивились, почему такое полезное изобретение г. Мальцова не появилось ни на каких выставках и не нашло подражателей, потом же, увидав много хорошего на здешних заводах, мы были совсем изумлены, убедаясь, что не только такие мелочи, как экипажи, но и самые заводы мало известны в России. Причина этого – в необыкновенной скромности владельца и всех его служащих с одной стороны, а с другой – в еще большей невнимательности и необыкновенном равнодушии нашей публики ко всему русскому».

Мне особенно приятно привести здесь отзыв специалиста, потому что мои последующие впечатления сложились в эту же формулу.

Не успела подкатить дежурка, как на платформе разыгралась комическая сцена.

Какой-то носильщик схватил наши вещи; другой его – трах-трах по уху.

- Ты это чего езопствуешь? – заголосил обиженный.

- Как ты смеешь бить его? – вмешался Вагнер.

- Господа, будьте свидетелями! Я ему этого не прощу...

- За что ты его?

- Не за свое хватается... Я сюда приставлен багаж носить, а он лезет.

- Чудак человек... Отчего мне не можно, коли я тоже есть хочу?... Вижу – господа сугубые, думаю – авось гривенник влетит, а за место того... Ты бей... бей по шее, - она для того и есть, - а то в морду!.. За морду, сам знаешь, ноне...

Дежурка живо доставила нас в прекрасно-устроенный господский дом.

С тех пор, как турист высадился на Мальцовской платформе, ему заботиться не о чем. Ночлег, стол – все ему готово, потому что во всех углах этого края устроены господские дома с помещением для приезжающих и с расторопной прислугой. Чистота этих домов доведена до педантизма; гостеприимство в них самое широкое. Не успели мы присесть к окну, как черномазый, цыганского типа, лакей уже стоял перед нами.

- Не угодно ли позавтракать?

- Нет, спасибо, дайте чаю.

- Он уже готов... Мы всегда к поезду...

В окна видны громадные вековые сосны. Весна запоздала; снег еще лежит на полях, хоть уже потемневший, сдавшийся. Под его окрепшей корой бегут ручьи, мало-помалу подтачивающие царство зимы. Сквозь голые ветви сосен приветливо сияет нам безоблачное, светло-голубое, небо. Рано налетевшие щеглы уныло перекликаются в чаще совсем темного шиповника.

Когда мы вышли, перед нами вдали раскинулась чудная картина.

Ее красоте даже не могли повредить обнаженные сучья рощи и былые пятна снега, казавшиеся под теплым сиянием солнца какими-то опаловыми массами, лежавшими на темном бархате на половину оттаявших лугов. Вдали, за садом, картины летом отсюда должны быть прелестны: впереди гористый берег Десны с массой скученных над ним церковей, сверкающих под ярким блеском дня своими куполами, белыми стенами, колокольнями и крестами... Городские здания Брянска кажутся отсюда выкованными из матового серебра. Желтые осыпи песка, уже по крутизнам берега освободившиеся от снега, золотыми языками тянутся к прочному еще ледяному насту реки... Под свежим утренником тихо колышутся над нами красные сучья сосен, этих остальных великанов когда-то стоявшего здесь могучего сказочного леса... Кажется, будто это не свежая кора, а кровь поступила изнутри на ветви и корявые стволы их... Из-за них мерещатся круглые кровли Сергиево-Радицкого завода. Вон над самой водой какая-то жалкая деревянная клетушка.

- Это, вы знаете, был домик, где жил Мальцов.

- Каким образом?

- Когда строил завод, он срубил здесь себе эту избенку и не выезжал из нее, пока Сергиево-Радица не была готова... Внизу шумела вода, с маленькой галереи открывался чудный вид за Болву и за Десну... А к суровой обстановке ему не привыкать. Случалось, по годам живал с рабочими и кормился из одного котла с ними...

Пахнет смолистым здоровым воздухом, точно весь этот лес на встречу вам дышит во все свои бесчисленные поры... С юга уже веет весною, - тою мягкой, нежною, как прикосновение цветочных лепестков к лицу, тою живительною, какую только и ощущаешь здесь, в этом предверии поэтической Малороссии... После Петербурга, еще мучившегося родовыми болями северной весны, здесь и глаза, и грудь отдохали среди простора, полного биением бесчисленных пульсов оживающей природы... Пульсы эти чудились во всем: и в красноватых ветвях берез, трепетавших от первого пробуждения жизни, как вздрагивают тонкие пальцы женщины, возвращающейся к сознанию после долгого обморока, - и под снеговыми глыбами, где глухо журчала вода, пронизывая тонкие жилы, - и в первых робких ростках травы, чуть-чуть показавшихся на солнцепеке, - и в тихом дыхании ветра, давно потерявшего свою порывистость и грозную силу, - и, главное, в этом голубом, безоблачном небе, впервые улыбавшемся медленно открывающей свои очи земле.

Противно даже думать о недавно еще оставленном городе с грязными улицами, с точно плачущими окнами насквозь промокших от сырости домов, с душными клетками, где на непосильном труде с утра до ночи бьются тысячи и сотни тысяч людей, давно и думать позабывших о беспредельном горизонте полей, о голубой недосыгаемой высоте неба, о чаще свежего леса и реках, что вольно струятся, среди зеленых берегов, не скованных гранитом, прозрачные и чистые...

Тосно из тюрьмы выпущен на волю!..

- Это что у вас?

- Наша железная дорога...

- Первый раз вижу!..

И действительно, после роскошных вагонов, широких колеи и громадных сооружений – передо мною семь небольших вагончиков, каждый человек на двадцать пассажиров, маленький паровоз, бойко попыхивающий дымом, узенькая колея микроскопических рельсов...

- Как раз для нашего мужицкого царства!.. По местным потребностям больше нам и не надо.

- Есть по ней пассажирское движение?

- Еще какое!.. Из села в село, из завода в завод. Сколько грузов перевозится одних!

- Наша дорога дешевая, - иное шоссе дороже. Большой бы нам ни в жисть не провести, а эта служит верой и правдой, по 12 верст в час – пыхтит себе и бегаёт... И, главное, со дня основания, в 1877 году, и да сих пор – никаких несчастий. В других местах говорят: заложите карету, а тут – разводи пары!

- Вы сочтите, если бы, вместо всяких других, в самых отдаленных местах России понастроили побольше таких путей, что бы было теперь? – Захолустий бы не существовало, да и иностранцам не пришлось бы миллиарды должать. Вот сейчас увидите, как побежит наша чугушка...

- Мы как баре, - вмещался рабочий около: - по простым дорогам и ездить не желаем, а все по этой.

- И чудесно. Сел, заснул, а проснулся, глядишь – в Дядькове, либо в Людинове.

Первое время народ против чугушки был, потом сообразил выгоду от дешевой дороги.

- Без нее примереть бы нам, а теперь дышим.

- Кудыбедные те, которые подальше от дороги живут...

Рядом с дорогой тянется старое, теперь заброшенное шоссе. Когда-то и оно здесь сослужило свою службу.

- На моей памяти сначала у нас были здесь грунтовые дороги, потом шоссе, потом паром, а уж теперь и по чугушке стали ездить...

Все это делалось на частные средства и частными людьми, без инженеров и специалистов, а как – расскажем в следующей главе.

II. Оригинальная железная дорога. – Как она строилась. – Кондукторы из певчих и станции. – От Сергиева до Дядькова.

Перед Севастопольской кампанией во всей этой местности существовали только одни грунтовые дороги. Мальцов исправлял их постоянно, укрепляя гатями, так чыл во время войны артиллерийские парки и батареи направлялись не на прямые пути, а сюда. Пушки из Перми везли, например, через Мальцовские владения в Крым.

- Отчего не едут по прямым дорогам? – спрашивали их.

- Потому, что Мальцовские лучше. Тут и путь хорош, и мосты исправны. А на казенных дорогах только мука одна.

Громадное движение к югу скоро в конец испортило дорогу. А тут как раз на местные заводы был сделан громадный заказ ядер и других снарядов. Работали из патриотизма, себе в убыток, бросив все остальное производство. Для перевозки всех этих грузов старых грунтовых путей было недостаточно, - оказывалось крайне необходимым провести шоссе. Сооружения такого рода обыкновенно совершались правительством, но Мальцов предложил выстроить сам, на свой счет, за незначительно повышенные шоссейный сбор с частных грузов. Время было тяжелое, условия эти для казны оказывались выгодными, но Чевкин уперся.

- Стройте, как казна строит, и берите потом обыкновенный шоссейный сбор. Как можно частному человеку брать дорожке казны?

Чтобы помочь делу, пришлось согласиться. Тогда Чевкин прислал предварительно двух инженеров. Этим и ограничилось участие правительства.

- Вы зачем, господа?

- Министр прислал.

- Дорогу строить? Разрешение дано?..

- Нет, по обеим сторонам будущего пути на десять верст с каждой, ситуацию делать.

- Только-то?.. Ну, Господь с вами, делайте.

- Дайте нам рабочих... - И заломили при этом какую-то невозможную цифру. Да кстати и денег просили.

- Ну господа, не взыщите, - у меня теперь каждая рабочая рука на счету. В Севастополе стрелять нечем, - мы за отливкой снарядов сидим и день и ночь... - И, не ожидая разрешения, Мальцов сам принялся за дело без спросу.

Заготовили массы камня-фосфорита и давай проводить шоссе своими средствами, без специалистов. Работал сам Мальцов, работали крестьяне. Мужичьими руками сооруженное, оно и до сих пор стоит и держится как нельзя лучше. Несмотря на то, что каменного грунта тут нет, маленький слой фосфорита отлично сохранил шоссе, по которому со дня его основания были перевезены такие массы одних местных, своих, грузов, что всякий, казной сооруженный, дорогой путь давно бы распался или ежегодно требовалось бы громадных сумм на ремонт. Развитие транспорта показало, что одной дороги недостаточно, - пришлось сделать реки Болву, Жиздру и Десну судоходными, опять за свой счет и скорей с препятствиями от министерства путей сообщения, чем с поддержкой его. Оказалось необходимым устроить шлюзы. Когда все это было готово, завели пароходы и на помощь к шоссе пришло водяное сообщение. Тем не менее со временем и его оказалось мало. Многие местности были слишком удалены от рек, а между тем там руды находились руды и кроме того все грузы не могли пользоваться шоссе и пароходами с баржами. Тогда была задумана дешевая узкоколейная железная дорога. Вся она сооружена Мальцовым опять-таки без специалистов, без инженерных смет, без помощи со стороны, на свой счет, из своего исключительно материала и своими рабочими силами. Первые полтора верст ее без техников-рядчиков устроены менее чем в один год, считая тут же и время, потраченное на изыскания. Приспособленная исключительно к заводскому делу, линия дороги изгибается во все стороны, захватывая в свой район все нуждающиеся в правильном между собою сообщении местности. Обошлась она не дороже 7 – 8.000 рублей с версты и дело настолько пошло успешно, что движение по ней не прекращалось ни разу, - хотя водополье иногда смывало ее полотно. Миниатюрные рельсы и не особенно быстрый ход делают вполне безопасный сход с рельс платформы. За все время существования дороги можно насчитать два-три случая легких ушибов, причиненных ею; что же касается крупных несчастий, то железнодорожная хроника убийств и бедствий ни на одну единицу не обогатилась от Мальцовской дороги... Прежде чем провести дорогу, Мальцов верхом проехал по чащам стоявших тут глухих лесов, наметив ее направление, затем пробил просеку и начал земляные работы... Работа эта продолжается и до сих пор с замечательною быстротой. Еще по сторонам пути не убраны куски деревьев, сваленные вершины их, выкорчеванные корни, а уже паровоз работает и платформы с грузами двигаются по направлению к рабочим. Первые семьдесят верст были окончены с особенною быстротой, - на них пошло только три месяца. Чтобы подать пример рабочим, хозяину пришлось самому жить с ними и с конями в шалашах, мокнуть под дождем, спать в снегу. Вместе с ними он клал шпалы и рельсы, вместе рубил и свозил лес. Весь в поту, он садился с ними к рабочему котлу. Дело иначе нельзя было довести до конца так быстро и успешно... Значительно удешевило дорогу то обстоятельство, что для нее ничего не приходилось брать у чужих по дорогой цене. Все – до последнего гвоздя – свое. Рельсы – из свое руды, выплавлены и прокачены в своих домнах и на своих заводах, веревки сделаны на своих канатных фабриках, лес взят из своих лесов, паровозы построены в своих механических отделениях, все машины до последнего бандажа сделаны и собраны у себя, вагоны – тоже. В конце концов оказалось, что железная дорога не села, не дала ни малейшей посадки. На больших железных дорогах сразу ездить нельзя, а тут чудесно. Мне самому приходилось проезжать, например, сегодня по только-что вчера оконченному пути. Дорога эта от платформы на Орловско-Витебском рельсовом пути близ Радицкого вагонного и паровозного завода прошла по Брянскому и Жиздринскому уездам, огибая стеклянную Радицкую фабрику, сахарную Радицу, Верху, Доманово, Боровки, Березину, Любохну с ее большими промышленными учреждениями, Дядьково с его хрустальными заводами, Куяеву, Супремь, Людиново – здешний Шеффилд и Манчестер вместе. От Людинова дорога разветвляется: одна линия

идет на Песочное, а другая по рудным месторождениям на Усты, также обогнув десятки фабрик и заводов. Сверх того на днях окончена постройкою ветвь от Дядькова к западу верст на тридцать, к стеклянным и бутылочным фабрикам. Самая большая высота выемки здесь была 9 футов, а насыпи 14 футов. Дорогих земельных работ избегали, так что рельсовый путь этот то всплзает на незначительные отлогости, то спускается вперед, так что, оглядываясь назад, видишь, как рельсы на сравнительно незначительном расстоянии проложены волнами, сообразно изгибам самой местности. Дорога то и дело пересекается реками и речками. На них более 250 мостов, причем самый длинный, через судоходную Болву, тянется на 400 сажень. На дороге употребляются паровозы шести-колесные, поднимающие до 2.500 пуд. груза, и четырех-колесные – до 1.100 пуд. груза. Каждый вагон подымает: восьми-колесный – 600 пуд. и четырех-колесный до 200 пуд. дело здесь пошло так успешно, что в первые же годы по открытии рельсового пути по нем было перевезено более 2.600.000 пуд. груза и около 70.000 пассажиров. На эксплуатацию дороги и ее подвижной состав – графы, в которые другие большие железные пути выписывают более 60% своего валового оборота, здесь не идет и 40%, если считать за грузы и передвижение пассажиров за первые по $\frac{1}{30}$ к. с пуда и версты, а за вторых по $\frac{1}{2}$ коп. с версты. Пример этого рельсового пути оказался так очевидно выгодным, что многие земства стали хлопотать о дорогах такого же типа. Первое откликнулось обоянское, и Мальцов, который смотрит на это как на чисто патриотическое дело, провел ему уже узкоколейный путь, взяв за это свою цену и даже, как говорят, приплатившись. Обоянскому земству каждая верста дороги обошлась в 9.000 рублей.

Дай Бог, чтоб и в остальных захолустьях скорее забегали по узеньким колеям эти маленькие вагончики с крошечными паровозами.

Маленький вагончик уже ждал нас. Сиденья устроены вдоль его стенок довольно удобные, хотя чуждые какой-нибудь роскоши. Подушки их и спинки покрыты серым солдатским сукном. Сквозного ветра – нигде. Окна прилажены лучше, чем на больших железных дорогах. Топка, благодаря особенному приспособлению герметически закупориваемых печей, постоянно сохраняет одну и ту же температуру.

Вы здесь на каждом шагу увидите одно и то же: все – для необходимости и ничего для роскоши. Излишеств нет. У нас думают, что Россия – страна бедная и рано ей заводить лишние и дорого стоящие удобства. Таким образом, несмотря на то, что у нас заводов и фабрик более сотни, они помещаются не в монументальных зданиях, а в старых домах, хорошо устроенных. У нас так-называемых дворцов нет, да и не нужны они. Народу хлеб необходим, - дай Бог прокормимся!..

Дорога идет сосновым бором. Над самыми рельсами колышутся вершины лесных великанов. Изредка в просвете между ними мелькнет серебристая полоса замерзшей реки. На лесных полянах лежит уже проржавевший снег. Поросль становится меньше и гуще. Березняк затянул дали. Воображаю, какая чаща здесь летом... Только одни просеки ложатся сквозь это зеленое тогда царство. В глубине просек мерещатся какие-то избы, вырубленные из свежего леса; порою мелькнет красивая церковь или опять заблестит речной лед с темными коймами затянутого им по берегам и отмелям лозняка. Сквозь грохот маленькой дороги мы слышим веселый шум весенней воды. Яро и гремуче бежит она по канавкам по обе стороны пути, смывая и унося с собою попадающиеся кое-где снеговые заминки. Что-то есть особенно задорное и бойкое в говоре ее мутных пока струек. Летом она гораздо спокойнее, точно ребенок, что вырос и не позволяет себе расшалиться по-весеннему...

Мальченко в сером суконном армяке затормозил вагон.

- Это кто же у вас будет?

- Кондуктор.

- Да ему лет четырнадцать.

- что-ж, больше и не надо. У нас кондукторами и машинистами служат свои же подростки. Подучатся в местных училищах – и сейчас за работу. Они отлично ведут дело,

внимательно, серьезно. О несчастьях не слышать совсем. Случается, что вагон сойдет с рельс или платформа кувыркнется, - мигом, при помощи домкратова аппарата, поставим ее на ноги – и опять в путь.

Малец-кондуктор смотрел с некоторым сознанием своей важности. Серый суконный армяк – это общий мундир этого заводского царства. Так одеваются здесь рабочие, управляющие, директора, - так же одевается и сам Мальцов. Простота во всем перешла в формальность даже. Исключения делаются странными, почти неприличными. В Петербурге это называют маскарадом, мне же кажется совсем иное. Таким путем просто достигается принцип равенства даже в одежде. Сверх того возможны сокращения потребностей, предупреждаются многие злоупотребления, ставшие необходимыми в других местах, где средства не соответствуют вкусам... Рабочий в управляющем, одетом так же, как и он, живущем одною с ним жизнью, видит старшего товарища. Является общение, о котором в других местах и понятия не имеют. Да и зазнаться нельзя, - нет к этому даже видимого повода. Народные учителя, учительницы – все это одето по-русски. Все даже наружностью не выделяются из народа и потому живут общою с ним жизнью. При общем оскудении более ста тысяч народа не могли бы здесь кормиться, если б издержки на администрацию заводов были слишком велики. Оклады жалованья здесь маленькие и нет тех громадных разниц, которые существуют везде. Мозолистая рука труженика зарабатывает мало чем меньше конторщика или прикащика. Возьмите хотя бы железную дорогу. Заведующий движением – из местных крестьян, как и все служащие здесь. В заводском царстве этом прошлого народа нет, - все свои: выросли мальчишками, работали на заводах, учились в школах и мало-по-малу доросли до «степеней известных». Там заведует и движением некто Хобаров. Это – молодой человек, очень симпатичный, много читающий и работающий, но живущий в той же крестьянской среде. Он получает 480 рублей в год. Начальники станций – тоже местные крестьяне, кончившие заводские школы – оплачиваются по 200 рублей в год каждый; телеграфисты – по 120 р.; машинисты из Людиновского механического училища, с детства приучившиеся обращаться со всевозможными механизмами, зарабатывают 447 р. в год. В этом истинно-крестьянском царстве нет никого, кто бы выделялся из общей массы особыми преимуществами или заработками. Живи с рабочими и трудись, как они – вот принцип, практикуемый с верху до низу. Такие оклады жалования, как приведенные выше, везде были бы недостаточны, здесь же они соответствуют потребностям. За то там, где десятки тысяч платятся всякому администрирующему «валету», сотни тысяч народа остаются без работы и без хлеба, а здесь это вещь неслыханная. Тянутся из последнего, сокращают издержки свои до едва понятного нам минимума, но население кормят и, каков бы ни был экономическим кризис, отказа в заработке нет. Самое тяжелое время было тогда, когда завод посещал я, и все-таки я не видел здесь людей оставшихся без труда, - не видал машин прекративших свое движение, - печей остывших и потухших, - труб, которые, как и в лучшее время, не выбрасывали бы дыма... Правда, здесь все делается для своих, но таких своих – полтора-два тысяч. Есть большие заказы – не отказывают и посторонним. Тем не менее своя рубашка ближе к телу и необходимо сначала обеспечить местное население, а потом уже подумать и о чужих.

Правительство хотело было навязать железной дороге свою администрацию и едва удалось отбиться от нее. Воображаю, как к лицу этой дешевке были бы величественные обер-кондукторы и начальники станций с наружностями если не министров, то министерских швейцаров!..

Малец-кондуктор в сером армяке проверил билеты и потом, крестьясь, принялся уничтожать вяземский пряник.

- Какая следующая станция? – спрашиваю его.
- Первая от Раздельной – Стеклянная Радица. Четырнадцать верст.
- Почему *стеклянная* Радица?

- Там оконное стекло вырабатывают... Вы вот все любопытствуете, а не заметили, как это у нас устроено, чтоб уголь не летел назад. На прочих железных дорогах всего запылить, а то и в глаза, а у нас тут аппарат такой придуман.

И малец весьма серьезно и обстоятельно начал мне разяснять устройство этого полезного аппарата. Я опускаю различные подробности, скажу только, что не мешало бы и другим, дорогим и большим, железным дорогам позаимствоваться этим у Мальцовской дешевки.

- Вы, что же, кончили здесь училище?

- Да, я из Дядьковской школы. Сначала певчим был. У нас все ученики в певчих, - ну, так как с ними сам Сергей Иванович постоянно, он и видит, кто к чему способен, - так и определяет: кого на заводы, кого в кондукторы, кого в прикащики. И управляющих много у нас таких, что сначала певчими были. У нас так: при каждой церкви свои хор, особенно где школа есть. В Дядькове так поют, что архиерей был – удивился!

Как проста железная дорога, так же незатейливы и ее станции. Это – деревянные небольшие дома. В одной половине их – телеграф, тоже свой, как и все здание, в другой – комната для пассажиров. На станциях можно получить чай и кое-какую пищу по чрезвычайно умеренной цене. Станции по всему заводскому району одинакового типа. В пассажирских комнатах, очень чистых, можно найти на всякий случай постели с бельем. В горницах для пассажиров третьего класса толпятся рабочие, ожидающие чугунку. Там шум, гомон. По всему пути на полотне железной дороги тоже встречались партии мастеровых, совсем отличающихся от тех голодных и озабоченных завтрашним днем крестьян, которые мне попадались около Брянска. Большинство – в сапогах: первый признак крестьянского благосостояния, а страсть к ярким цветам свидетельствует о близости Калужской губернии. Крестьянки так и бьют в глаза смешением желтого, красного, синего и оранжевого цветов. К сожалению, самый тип народа далеко не красив. Очевидно, заводское и фабричное дело не дало ему развиваться как следует, хотя физическая сила здесь довольно заметна. Уже в самом начале меня поразило отсутствие пьяных; потом я встречаю таких только в Людинове. В остальных местностях, особенно на стеклянном деле, народ пьет очень мало. Нет пьяных – нет и ругани, которая почему-то считается необходимою принадлежностью русского человека. В вагоне третьего класса поэтому можно сидеть, совсем не рискуя услышать звучные трех-этажные приветствия, облетающие с конца в конец наше общество.

- У нас большая часть грамотные, потому мы этого невежества гнушаемся... На заводском деле народ всегда ученый.

Сообщил мне по этому поводу спутник мой, тоже бывший рабочий, а теперь управляющий одним из заводов.

- Дело с машиной имеешь – больше думаешь...

- Простота у вас большая.

- Потому все из одной семьи вышли. Мы чужих боимся даже.

- Почему это?

- Потому чужой к нам как жрец какой придет. Носом это на все фыркает, по-городскому хочет...

- Чужому дико... Тут у нас мужицкое царство настоящее... Один к нам приехал и говорит: «как это вы без клуба можете?.. У нас, - говорит, - на заводе театры играют, кавалеры с барышнями танцуют...» А у нас кавалеров нет. Наши кавалеры как промятся целый день за машиной, так первым делом – домой, да спать. Не запляшешь!

Вместе с Хобаровым управляет линией железной дороги крестьянин Морозов. Первый заведует движением, второй – ремонтом. Хобаров кончил Рославльское железнодорожное училище, а Морозов – местную школу. Воображаю, во что обошлись бы дороге Бог знает каких денег стоящие инженеры и техники...

- У нас тут инженерам и делать нечего.

- Однако...

- Потому у нас между своими много таких, которые могут. А чего не знаем, Сергей Иванович расскажет. Он у нас главный инженер...

- Он все знает! – с простодушной верой во всеобъемлющие знания Мальцова пояснил другой.

Вот потянулись бесконечные штабели досок и бревен. Готовится какая-то постройка. Сотни народу взяты за ней. Шум только стоит над этою поляной. Какие лесные великаны легли под топором!.. Пахло смолистым запахом только-что распиленных сосен. Вдали сплошной стеной стоят леса и кое-где из-за их вершин клубится дым. Видимое дело – работают заводы. Вон село вытянулось, отлично обстроенное. Дом побольше – школа.

- Семьдесят учеников у нас здесь и двое учителей Орловскую гимназию кончили.

Село на шестьдесят дворов. Сегодня праздник. Детвора – вся на улице; пузатая, резвая, крикливая, она бросилась было гурьбой за железною дорогою, но, разумеется, не догнала, остановилась с разбегу и давай орать что-то. Вон налево выглянула из лесу превосходная церковь и рядом хорошенький домик, огороженный со всех сторон. Оказалось – тоже училище. В церкви, как и везде, иконостас из местного хрусталя, да и образа писаны здешними художниками. Школа тоже одна из тех, которыми может щеголять этот край.

- Тут у нас гимназистка учит. Детки ее страсть как любят, - умеет это она... При всей ее младости Бог-то ее как умудрил! И не фурчит...

- Что такое?

- И не фурчит, говорю... Потому иные прочие, которые из городу попадут к нам на наш деревенский обиход, фурчат все. Ну, а эта нет, - эта в согласии живет. Мы ей, а она нам подражает.

Тут с нами сел управляющий стеклянным заводом. Коротенькие штаны с бахромой, порыжелое и точно металлом покрытое пальто, обвалывшаяся шапчонка блином на круглой голове с круглым носом и щетинистыми усами. Воображаю, с каким презрением на него взглянул бы товарищ его по другим, не здешним, заводам, привыкший к мягким рессорам, к бархатной мебели, к крупным кушам. Этот как сел, так и голову себе зачесал.

- Что ты? – обернулся к нему мой спутник.

- Да вот в Дядьково... К главному нашему мастеру.

- К какому это?

- Да к генералу... Печь у нас.

- Испортилась?

- Нет, цветом стекло выходит не в ту масть... Ума не приложу, что с нею такое делается.

- Ты бы хоть приоделся.

- Вот!.. Я прямо с работы, - куда тут еще?.. Чем не хорошо?

- Да уж очень мундир у тебя...

- Мундир тут у всех одинаков... По нашему делу не пощеголяешь... Не знаю, что с народом делать.

- С каким?

- Да со стороны. Валом валит... Есть нечего, работы просит. На какую-то идет...

- К нам тоже – толпами целыми.

- Что-ж коли работы нет? Не своих же гнать. Свои ближе.

- Оно так... Да нельзя ли потесниться как. Ведь ты сам знаешь, какая пора – общее горе... Везде безкормица!

- Нужно спросить... Я им, на свой страх, велел отпустить хлеба... Что будет... Тут у нас земляная работа может набегит, - поставлю их...

- Сказывают, из Подбужской волости земство к нам тысячу человек шлет – прокормить просит. Не распишаешь всех-то. Самим дорого стоит хлеб-от... В заготовке-то Кочергин, сказывают, по рублю семидесяти берет!..

- Теперь их время пришло. Купцам ноне жизнь!.. Сколько хочешь, столько и просишь...

Раздвинулся лес. Солнце ярко бьет в глаза. Из-под снега обнажились точно бархатные болотные кочки и редкие кустики. Даль, переполненная светом, слепит глаза. По пути навстречу все гуще и гуще толпы рабочих. Кое-где маленькие речонки уже взломали лед и шумят, и пыжуются в мертвых пока оврагах. Поезд наш быстро пробегает над ними по крутым, по прочно устроенным мостам, гремя там, где по полотну дороги уложены старые рельсы правительственного типа. Теперь они уже заменяются своими, более мелкими, по которым поезд везет почти без шума и без тряски. Это тоже изобретение Мальцова и впоследствии оно верно будет принято всеми остальными узкоколейными путями. Вон вдали, кое-где вся прячущаяся в лозняках, а в других местах широко разливающаяся, показалась главная артерия этого края, р. Болва. Тут она течет в крутых берегах. С первою весеннею водой по ней движутся барки с грузами, побегут пароходы вниз на Десну. Чрезвычайно извилистая, она почти по всему своему сечению судоходна. Окрестности ее в высшей степени красивы. В нескольких местах на ней сделаны шлюзы, к главному из которых подходит тихо наш поезд.

- Сейчас будет Любохна. Тут у нас пропасть всяких заводов. Есть чугунолитейный, пивоваренный, водочный, винокуренный, канатный, кирпичный, фаянсовый и пильня. Сверх того, из старого сахарного завода строится здесь писчебумажная большая фабрика.

Вон у самого берега свежие, только что срубленные, баржи для железа. Над косогорьем длинный мост сажень в четыреста. Солнце весело играет на всей этой, полной кипучего труда и видимого довольства, местности. Массы только что нарубленного леса свалены в стороне. Стук топоров, песни, шум воды под колесами пильни, пыхтение какого-то паровика – все это охватывает меня знакомою музыкой труда. Из громадных амбаров в сторону несутся голоса рабочих; грохот каких-то зубчатых колес долетает слева. Вон, постукивая, подходят по боковым ветвям платформы с хлебом.

- Хлеб сам бежит! – шутят около мастеровые.

- Знает, что нужно, и ползет.

Картина отсюда дивная.

Вдали едва намечается синяя полоса лесов, точно отступивших, давая широкий путь Болве. Вся она в луга ушла, теперь кажущиеся серебряными под целиною еще неподдавшегося весеннему солнцу снега. Налево большая церковь – красивая, белая, едва-едва различишь ее; ближе – что-то в роде собора с четырьмя матовыми куполами. В любой город перенести ее не стыдно... Весь этот простор дышит удивительным мирным спокойствием, - не оторвался бы от него. Самая станция полным-полна народу. Мальчики-телеграфисты за работою постукивают себе; мальчики-кондуктора суетятся за каким-то спешным делом. Вон по боковой ветви на платформе рабочую артель везут. Песня откуда-то слышится, которую не может заглушить даже порывистое пыхтение маленького локомотива, точно уставшего и озлившегося на людские голоса, перекричавшие его.

- Тут у нас, как бы вы думали, телеграф есть! – сообщил мне А.А. Вагнер.

- Где же это?

- А от станции проведен к селу и заводам версты на три. Мы и в этом отношении старались не отставать...

Хобаров дает свисток и поезд двигается.

Местность вся густо заселена. То и дело по сторонам дымятся деревни. Мы пробегаем мимо земледельческого хутора, на котором пробуются все изготавливаемые и изобретаемые здесь сельско-хозяйственные машины и орудия – все эти сеялки, веялки, крупорушки, молотилки, которые на последней одесской выставке затмили английские

аппараты того же рода и чуть не впервые отняли у них большую золотую медаль. Хутор точно прислонился к красивым крутым берегам маленькой речки, которая должна быть особенно хороша летом, когда всю ее опушит зеленью, когда на нее налетят отовсюду целые тучи крикливой птицы и на тысячи голосов зазвучат он, будя спокойный сон едва-едва всхолмливающих окрестностей. Вон направо прошла узкая колея боковой ветви прямо к чугунно-литейному заводу, каждый год изготавливающему до 100.000 пудов мелких изделий. Оттуда показался дымок, - должно-быть платформы бегут к Любохне в ее склады. Сытенькая лошадка рядом с железной дорогой торопится куда-то доставить телегу, которая как ни подпрыгивает, как ни подбрасывает лежащего в ней мужика, а разбудить его очевидно никак не может. Вон налево блеснул пруд: точно серебряный кованный щит блестит его ледяная поверхность под солнцем. Березовая роща вытянулась над прудом. В причудливом узоре переплетающихся ветвей – черные шапки каких-то гнезд. Где-то в шлюзе вода гремит, - голова идет кругом. Не хватает глаз и времени насмотреться на эту оживленную и полную интересных деталей картину...

В наш вагон попало несколько певчих. Мальчики – чистенькие, вымытые, в исправных серых армяках. Оказывается, что здесь их при каждой церкви человек по шестидесяти. Занятия их, впрочем, не ограничиваются одним пением: они, сверх того, занимаются в конторах, на телеграфе, в чертежных, вообще имеют какое-либо более серьезное дело. Впоследствии из них выходят прикащики, учителя, управляющие заводами. Каждый из них наперечет известен Мальцову и за каждым он наблюдает, как за близким ему человеком.

Совсем Америка... По сторонам дороги только что свален лес, из-под рельс ключи бьют, - просочились сквозь почву, - а наш поезд бежит себе и знать ничего не хочет... Немного не доезжая Дядькова, водопольем смыло полотно. Один вагон соскочил было с рельс. Поезд остановился. Через минуту домкратом его поставили опять на рельсы и наш локомотив запыхтел опять, унося нас в царство крупного, Бог-весть как сохранившегося у заводов, леса... Вон в стороне поселок. Только дым от него виден.

- Там у нас десять дворов латышей поселилось.

- Как они попали сюда?

- Пришли и арендовали землю. Отличные, исправные хозяева! Нам бы, русским, с них пример брать...

III. Первая попытка частного телеграфа в России. – Кто его тормозил. – Нынешнее положение. – Оригинальные телеграфисты.

Все здешние заводы соединены между собою телеграфными проволоками. На каждой железнодорожной станции, почти в каждом селе, есть телеграфные конторы. Вся эта сеть сделана частным лицом, на свои собственные средства. Правительство не помогало ему. Пример такой предприимчивости, как в железнодорожном, так и телеграфном деле – можно найти разве в Америке, но никак не у нас. По крайней мере я не знаю в России другого уголка, где бы на сотни верст тянулись телеграфные проволоки с десятками контор и где бы все это было сделано одним человеком без казенных сумм и, главное, без мундирных специалистов. В настоящее время дело кипит. С утра до ночи и ночью со всех концов получают депеши о всяком мало-мальски выдающимся событии, нужде, помощи, и распоряжения приходят так же быстро. Телеграфистами в конторах и на железных дорогах служат те же мальчишки, кое-как обучившиеся этому делу в местных школах. Потом на практике они сделались прекрасными работниками и не оставляют желать лучшего.

Чтоб оценить эту предприимчивость, нужно знать, какие усилия были потрачены ранее, чем первая депеша была передана из Дядькова по своей проволоке, и сколько оказалось необходимых упорства и настойчивости, чтоб оставить за собою право на это потом, когда сеть уже начала действовать. Тут мало было одной затраты денег.

Прежде чем строить телеграф, следовало испросить разрешение на это. Послали просьбу: ждали, ждали, - ни слуху, ни духу. Мальцов – не из тех людей, которые даром теряют время, особенно на бесплодные ожидания. Он взял да и начал работы. Он сам и его дочь, княгиня Мещерская, верхом на конях объехали местности, наметили направление главных линий; дело закипело и в несколько месяцев сеть уже была готова. Вслед за тем выписаны были книги, изучено самое производство, подготовлены к нему мальчики, и аппараты заработали на сотни верст. Все это время просьба о разрешении построить телеграф заносилась в регистры, из коих переводилась в другие, откладывалась, снабжалась справками, опять докладывалась, клалась под сукно и вновь выползала оттуда, заслушивалась единолично, обсуждалась коллегиально, - короче сказать, совершала обычное в Российской империи обращение свое вокруг административного солнца. В то самое время, когда таким образом совершалось правильное течение дел, кто-то и написал в Петербург, что телеграф у Мальцова уже действует. Там всполошились. Последовало приказание рубить столбы.

Является в Дядьково исправник с министерским предписанием.

- Что такое?

- Да вот маленькое дельце тут... Приехал к вам уничтожить телеграф.

- То есть как же это?

- А вот дайте народу с топорами, - завтра начнем рубить столбы...

- Ну, уж это, батюшка, вы сами с топором усердствуйте!

Начались переговоры. Едва убедили законную власть отобрать подписку в том, что телеграф, пока не получится разрешения из Питера, действовать не будет... Хорошо еще, что администратор попался сговорчивый, а то так бы и не бывать делу. Пришлось приостановить сообщение по проволокам, когда везде уже началась корреспонденция и достаточно было подготовленных самим Мальцовым к этому делу мальчиков-телеграфистов. Прошло шесть месяцев, а ни слуху, ни духу. Справляются. Дело объяснилось по-русски.

- Не посылаем чиновника потому, что не сказано, где вы его встретите.

- Да ведь карта есть!

Наконец, является специально командированный из Питера мундирный техник.

- Слава Богу!.. Привезли разрешение?

- Нет.

- Зачем же вы?

- Дайте мне карту, и я уеду.

- За тем вас и посылали?

- Именно.

Взял карту и отправился в Питер... Опять проходит достаточно времени, чтобы построить еще десять сетей. Наконец, является второй чиновник, важнее первого. Грудь колесом, фуражка на затылке. По-русски жует, а не говорит, на Мальцова смотрит свысока.

Здесь обрадовались, авось этот-де выручит.

- Поедте, - предлагает ему Мальцов, - покажите моим мальчикам, как надо действовать. может быть у нас что-нибудь и не так.

- Это неможна!

- Почему?

- Потому, что телеграф не должна действовать!

- Как это?

- Она дурно построена.

- Вы ведь еще его не видели?

- Нет, не видаль... А только неможна...

- Да как же нужно было сделать?

- Нужна былъ ждать.

- Да ведь мы ждали долго.
- И еще подожди!
- Чего же?
- Чтобы ми прислал к вам свой чиновник для постройке.

Видят, что идиот, ничего с ним не поделаешь, - утвердился на своем и никаким рожном его не свернешь...

- Послушайте, - попробовали еще раз, - да ведь вы же можете дать разрешение.
- Нет... Я буду поспотреть... Разрешение должна приходил из Петербурх после мене... Но только не будет, потому телеграф действовать неможна!...

Бросили его. Проехал он по линии и возвратился в Питер... Опять проходит время, а телеграф стоит.

В третий раз приезжает специально командированный чин.

- Ну, что? – бросаются к нему.
- Привез разрешение.

Дешевы казенные деньги в России, а время еще дешевле...

И заметьте, это проделали с человеком, имеющим в Петербурге громадные связи, знакомства, силу. Что же по всему лицу великой земли Русской приходится делать простым смертным? И виноваты ли мы, что предприимчивость наша развивается так туго? Одни телеграфные немцы наши могут хоть кого угодно довести до одури. А ведь у нас во всякой щели засели такие мокрицы и нет таких громов небесных, которые могли бы выгнать их из этих привольных убежищ...

Телеграф, проведенный таким образом, обошелся баснословно дешево. Еще бы!.. Проволока своя, столбы из своего леса, стаканчики сделаны на своих заводах. Казенных строителей и техников не было вовсе, а известно, что одно составление сметы потребует больше расходов, чем весь телеграф... Проводя его здесь, приспособлялись к местности всюду, где находили это возможным. Так, в лесу столбов не ставили, а укрепляли проволоку к крупным деревьям. Сверх того и приспособления свои устроены. Стаканчики усажены не на алебастровую массу, как в казенных телеграфах, а на засмоленную пеньку, которая не боится перемены погоды и той или другой температуры. В то время, как казенные поэтому зачастую разрушаются, здешние держатся очень долго.

Финал этого дела всего комичнее.

К двум существующим проволокам телеграфа, которые по словам мундирных техников, не должны были действовать, правительство потом попросило у владельца позволения прибавить свою третью проволоку и пользуется ею. Это ли не комедия!..

Всюду, где я ни посещал телеграфные конторы, работающие в них телеграфисты в серых армяках производили на меня самое отрадное впечатление. Осмысленные лица их и сознательная работа на ваших глазах невольно подкупали наблюдателя. Видишь, с какими малыми средствами можно у нас делать большое дело, лишь были бы энергия и предприимчивость, в отсутствии которых, разумеется, не мы виноваты. В то же время, видя эти дешевые дороги, эти ни во что не обошедшиеся телеграфные сообщения, невольно задаешься вопросом, сколько лишних денег – этого вычеканенного в металл народного трудового пота – тратит казна на свои дорогие и, правда, не лучше служащие ей сооружения. В таком ли виде были бы наши финансы, наше экономическое благосостояние, если бы хозяйственные способы, лет двадцать тому назад, сменили привольно практиковавшиеся и никого не удивлявшее «хищение»?.. Именно «хищение», - благо хоть термин подходящий придумали... Интересно было бы сосчитать, сколько ушло таким образом миллиардов и где, в чьих загребистых лапах, они находятся теперь, - интересно хоть как урок для будущего!..

Кстати привести здесь некоторые цифры, относящиеся к этому делу.

Первые 105 верст здешних телеграфных сообщений, считая тут же и ценность аппаратов, всего обошлись в 4.450 рублей. Ежедневное содержание телеграфов с их ремонтом стоит заводам около 1.500 рублей.

В. Немирович-Данченко.

(Продолжение следует.)